

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

А.Г. ЗДРАВОМЫСЛОВ

Россия и русские в современном немецком самосознании*

Исследование взаимоотношений между нациями - дело исключительно тонкое и ответственное, прежде всего потому, что ни один из исследователей не свободен от рамок, которые задаются его собственной национальной культурой. Ученый может стремиться к тому, чтобы понять "другого", но этот "другой" остается "вещью-в-себе": он всегда может заявить, что его неверно поняли или представили, ибо свою культуру и свой народ "он знает лучше", чем то представляется исследователю со стороны.

Однако рискну встать на путь такого исследования, отдавая себе отчет и в иной сложности восприятия такого рода текста: проблема взаимоотношений между нациями и их взаимного восприятия подчас обходится стороной в силу опасения быть обвиненным в политической некорректности. Вы поневоле должны употреблять слова "немцы", "французы", "русские", "евреи", "чеченцы" и т.д., расширяя тем самым поле национального дискурса в то время, как одни (читатели и ученые) готовы встать выше национальных различий, а другие склонны к защите национальной культуры и национальных традиций, подвергающихся угрозе в связи с тенденциями глобализации¹.

Но именно тенденции глобализации и являются главным основанием самой постановки вопроса о взаимоотношении наций, о структуре образов иного народа в восприятии другого народа. Ибо глобализация не должна быть разрушительной. По крайней мере таково стремление! Но чтобы не быть таковой, процессы глобализации и межкультурного взаимодействия должны были бы опираться на идею соотнесен-

---

* При подготовке статьи использовались материалы, собранные мною в ходе почти трехмесячного пребывания в Германии по приглашению Института социологии Свободного Берлинского университета (руководитель - профессор М. Кооли) за счет средств Немецкого исследовательского общества. В ходе этого визита было проведено 25 неформализованных интервью с немецкими экспертами о восприятии российских реформ (одно из них публикуется ниже). Выражаю признательность за предоставление возможности исследовательской работы в Германии названным учреждениям, равно как и Российскому фонду фундаментальных исследований, финансирующему проект "Релятивистская теория нации как методологическое основание моделирования межкультурного взаимодействия" (фант № 98-06-80146).

¹ Другое не менее важное различие в национальном дискурсе носит методологический характер: что представляет собой "нация" - обозначение реальных исторически сложившихся общностей или некоторый конструкт, с помощью которого формулируются и определяются национальные интересы?

ности национальных культур. Ныне ни один из народов не существует вне контактов с другими народами. Такие контакты и представления о других оказываются частью собственного национального самосознания, ибо "мы" - данная нация - обнаруживаем свое бытие прежде всего в отношении к "ним", к "другим". И то, как "нас" воспринимают "другие", оказывается одним из самых важных моментов для нашего собственного мироощущения. Сказанное и представляет собой суть релятивистской теории нации.

Как создается образ другой нации?

Релятивистский подход к изучению национальных общностей и групп исходит из того обстоятельства, что ни одна нация в мире и даже ни одна из этнических групп не обладает внутренней монолитностью. Более того, можно утверждать, что чем основательнее национальная группа вовлечена в процессы индустриализации и модернизации, тем в большей мере она дифференцирована. Современная история России демонстрирует эту взаимосвязь достаточно красноречиво: русские в России, русские в Америке, русские на Кавказе, русские в странах Балтии, русские в Германии, русские в странах СНГ, потомки "красных" и потомки "белых", жертвы ГУЛАГа и их охранники, русские, одержавшие победу в Великой Отечественной войне, и русские владовцы, русские, едва сводящие концы с концами в реформируемой России, и "новые русские"! В XX веке русские вошли в ряд наций с массовыми диаспорами, разбросанными по всему миру. Возможно, нет ни одной нации, настолько разнообразно и сложно устроенной, собранной и расколотой, модернизированной и архаичной. Русские осознают свою общность благодаря тому, что пользуются одним и тем же языком, благодаря тому, что они либо живут в России, либо оттуда происходят, и потому, что другие их считают русскими. Однако "другие" их воспринимают как русских главным образом на основании того, что они сами заявляют о своей русскости. Русские, как и иные национальные группы, - "воображаемая общность"², общность, сконструированная в процессе исторического и культурного взаимодействия с другими.

Как же образ русскости конструируется в немецком национальном самосознании? Можно предположить, что не последнюю роль в этом процессе играет то, как русские воспринимают немцев.

В мировой истории, а в особенности в истории европейской, вряд ли найдется столь сложный, неоднозначный и противоречивый пример взаимоотношений между двумя народами, как отношения между русскими и немцами. Это амбивалентное отношение "вражды-приязни" или "ненависти-любви". История войн и история культурного взаимодействия дают массу примеров на этот счет. Каждому русскому в той или иной степени это отношение известно. Думаю, это не тайна и для каждого немца. Ибо русские и немцы воспринимают себя в известной степени друг через друга: быть русским - значит не быть немцем, быть немцем - не быть русским. Свообразно это отразилось в известной русской пословице "что для русского здорово, то для немца - смерть!".

Однако общий баланс данной амбивалентности на протяжении истории взаимных контактов был весьма подвижен. В историческом плане важно помнить о существовании германофилов в России, равно как и русофилов в Германии. Стоит подчеркнуть, что славянофилы подчас были и германофилами (Ф. Тютчев), а самый немецкий из канцлеров Германии О. Бисмарк выступал за прочные союзнические отношения с Россией.

Конечно, существование таких настроений весьма сложно было представить в военное или первое послевоенное время. Но в последний период положение существенно изменилось. Сопоставление проводимых за последние годы опросов общественного мнения относительно взаимных симпатий и антипатий показывает, что образы той и другой стороны в общественном мнении являются асимметричными: симпатия

² Термин введен в научный оборот Б. Андерсоном. Его смысл состоит не в том, что нация не существует как реальность, а в том, что ее существование обусловлено *идеями* солидарности, воображением единения.

со стороны русских по отношению к немцам выражается в опросах гораздо более отчетливо, чем симпатии немцев по отношению к русским. В первом случае наблюдается явный перевес симпатий над антипатиями: 44% россиян высказали симпатии к немцам в марте 2000 года, при 19% высказавших антипатию. Во втором случае баланс эмоций сдвинут в противоположном направлении: в 1996 году 25% немцев выражали симпатию по отношению к русским, а 29% - антипатию (данные Института демоскопии в Алленсбахе).

Обратим внимание и на тот факт, что в российском опросе 37% респондентов уклонились от ответа при выборе симпатий и антипатий, в немецкой же выборке доля не участвующих в голосовании составила почти половину. Этот показатель свидетельствует, что для значительной части общества с той и другой стороны однозначный выбор остается затруднительным в связи с амбивалентностью реальных психологических установок. В данном случае отказ от суждения может быть сближен с негативной оценкой, которую можно было бы выразить следующей формулой: "Я не испытываю (не люблю) их (русских или немцев), но это мое личное дело, и я не стремлюсь заявить об этом".

Возникает вопрос: чем объяснить более распространенную неприязнь немцев к русским в сравнении с негативными установками по отношению к немцам в российской среде? На первый взгляд представляется, что выражение симпатий к другим есть признак этнической или национальной терпимости и что чем выше общая культура нации, тем в большей мере в ее сознании укоренены критерии терпимости. Кроме того, естественной - как бы само собой разумеющейся - причиной антипатий русских по отношению к немцам остается память о войне, которая сама по себе играет роль важного конструирующего начала в самосознании этих двух народов. Важно не забывать тот факт, что довоенная и военная антисоветская пропаганда гитлеровской Германии строилась на "теории" мирового еврейского заговора, исполнителями которого выступали большевики, что "комиссары и евреи" были приравнены друг к другу как первые в очереди на уничтожение. *Объединение большевизма и еврейства было главным идеологическим конструктом Третьего Рейха, направленным на Советскую Россию.*

В то же время образ немцев у русских конструировался на основе личного опыта: почти каждая советская семья понесла потери в Великой Отечественной войне, в каждой семье были участники войны, боевых действий, партизанского движения, труженики тыла. Следовательно, память о войне должна была бы сохранять и поддерживать ненависть или по меньшей мере неприязнь к немцам, которые в послевоенное время в материальном отношении стали жить гораздо лучше, чем русские. Однако данные опросов говорят о другом. Количество респондентов, выразивших симпатию к немцам в ходе репрезентативного общероссийского опроса, превзошло число тех, кто выразил антипатию, более чем в два раза! Чем это объяснить?

Первый вывод, который напрашивается, состоит в том, что русские забыли или забывают о войне, о жертвах, принесенных во имя сохранения своей страны. Но вряд ли такой вывод будет правильным. Скорее, эти данные следует интерпретировать иначе. Дело не в отсутствии памяти, а в том, что за сравнительно короткий исторический период несколько раз *менялись способы конструирования образа немцев в российском самосознании.* До войны немецкий язык преподавался в средней школе в качестве основного иностранного языка, немецкая история и культура пользовались традиционным уважением. Образы немецких коммунистов - от К. Маркса до Э. Тельмана - были важными составляющими в формировании образа немецкой нации. Да и в ходе войны возникла формула, отделяющая немцев вообще от немцев, принимавших активное участие в деяниях Третьего Рейха, от фашистских захватчиков. Во время войны, безусловно, существовала ненависть к врагу, к немцам, которые тогда отождествлялись с гитлеровцами. Тогда была понятна справедливость лозунга "убей немца!": только так можно было защитить страну. Но именно во время войны в устах советского руководства прозвучала запоминающаяся фраза: "Гитлеры приходят и

уходят, а народ немецкий, государство немецкое остается!". Иными словами, уже в советские времена на уровне массового сознания и политических установок произошло (разумеется, не полностью) отделение "немцев" от Третьего Рейха, от нацистского режима, о преступлениях которого было известно в то время далеко не все.

Таким образом, в российском самосознании ответственность за преступления нацизма не возлагается на нацию в целом, на немецкий народ. Такая интерпретация истории была подготовлена достаточно распространенной и общепринятой в послевоенные годы концепцией войны с фашизмом как продолжения классовой борьбы. Ответственность за развязывание войны возлагалась не на "народ", а на финансово-промышленные круги Германии, содействовавшие приходу к власти именно национал-социалистической партии как партии национального реванша на первых порах, и далее, как партии, утверждавшей и проводившей политику расовой чистоты, расового превосходства, геноцида. Более того, есть свидетельства тому, что советские руководители, так же как и рядовые граждане, надеялись, что рабочий класс Германии, в случае нападения Гитлера на СССР, выступит против "своего правительства", что он не позволит вести войну "с первым рабоче-крестьянским государством"³.

Другой немаловажный мотив, объясняющий переоценку ценностей в отношении немцев и конструирования их образа как преимущественно положительного, связан уже с постсоветским периодом. В конце 1980-х годов произошла дестабилизация российского сознания. Были обнародованы и преданы огласке преступления сталинского режима - ГУЛАГ, Катынь, политические процессы 1930-х годов, истребление командного корпуса Красной армии накануне войны, преступный просчет руководства страны в оценке намерений гитлеровского командования, репрессивные акции по отношению к некоторым народам. Обнародование этих фактов и дискуссия о сталинизме, марксизме, Октябрьской революции и гражданской войне привели к разрушению идеализированного образа советского народа и советской истории. Ее героизацию резко сменила кампания ненависти к собственному прошлому, воспитания неприязни к своей истории и самоуничижения. "Советский народ" оказался в принципе не лучше "немецкого народа", а русские оказались виновны в поддержке преступлений сталинского режима. Возникло явление, которое в некоторых западных источниках получило название "феномен Яковлева" [Himmelstrand, 2000]. Баланс восприятия постоянной составляющей европейской истории "русские-немцы" изменился в пользу немцев не столько за счет повышения оценки немцев, сколько за счет умаления самооценки русских.

Третий момент, влияющий на восприятие в России немцев и немецкой культуры, состоит в формировании прагматической политики и прагматического образа мышления. *A priori* ясно, что немцы умеют работать, что они лучше оценивают имеющиеся ресурсы и более рационально их используют. Почему бы нам не поучиться у них этому? Что мешает? Исконная неприязнь? А не оказывается ли этот предрассудок (национальная неприязнь) огромным препятствием в деле возрождения российской экономики, построения гражданского общества, выработке более открытого взгляда на мир? Эти соображения сегодня не столь уж редки, и они становятся все более распространенными по мере развития деловых и культурных связей с Германией, с немецкими фирмами, университетами, научными и прочими центрами.

Вместе с тем в российском национальном самосознании утверждается критическое отношение к самим себе - к нашей лени и безалаберности, к привычке действовать "на авось", к безответственности, приводящей к гораздо более частым катастрофам, чем то случается в других странах, к стремлению получить все без особых усилий (на "скатерти самобранке" или на "блюдечке с голубой каемочкой"), к уверенности в том, что нам все преподнесет начальство ("вот приедет барин..."), что нам все время кто-то

³ Аналогичное заблуждение существовало и с другой стороны: Гитлер был уверен, что после начала военных действий СССР развалится в течение нескольких недель, так как население его ждет не дожидаясь помощи извне в освобождении от "большевистского террора".

должен, а мы сами ничего никому не должны, к желанию жить без особого напряжения сил (какой милый нашему сердцу герой - Илья Ильич Обломов!), к привычке искать виноватых в наших бедах всех, кроме самих себя! Возможно даже, что со временем в российскую культуру проникнет и норма неприязненного отношения к русскому пьянству, хотя в этом отношении надежды весьма слабы.

Теперь обратимся к смыслу антипатий и симпатий к русским, выраженных в немецких опросах. Как мы видели, симпатии несут не столь массовый характер. В российской выборке чуть больше трети уклоняется от ответа на этот деликатный вопрос. В выборке немецкой почти половина опрошенных не отвечает. Четвертая часть немцев выражает симпатии к русским, и несколько больше (превышение на 4%) выражают антипатию к ним ("к нам").

Возникает вопрос, а почему должно было бы быть выражено иное отношение? Ведь образ России складывается на основе селекции из того материала, который производится в ней самой. Кроме того, историческая память носит весьма генерализованный характер. Он знает одно, и главное: "в войне - смертельной схватке - победили русские". А это значит, что при каких-то обстоятельствах, в какой-то ситуации русские доказали эмпирически - пусть даже ценой невероятных потерь - свое "превосходство" над "нами", над немцами! Значит, какая-то часть антипатий по отношению к русским, полякам, славянам приходится на стереотип о превосходстве немецкой нации и культуры, воспроизводимый не только на подсознательном уровне⁴.

Разумеется, в современной интеллектуальной среде в Германии, в особенности с русским интервьюером, этот вопрос не мог быть вербализован. Эта тема - табу! Или, по меньшей мере, политическая некорректность, но в массовых анонимных опросах она то и дело обнаруживается как некая скрытая установка. Данная антипатия подкрепляется образом современной России - "страны, где господствует криминал, где государство и закон не могут с этим ничего поделать", где "Хаос" одерживает верх над "Порядком", который во все времена произносится в Германии с большой буквы.

Другое дело память не историческая, а личная, хотя бы даже о периоде жизни в советском плену, или память о работе по репарациям в Советском Союзе. Она связана, как выясняется, с позитивными воспоминаниями и эмоциями о конкретных людях и ситуациях. Именно эта часть памяти оказывается источником симпатий к России и русским.

Другим источником симпатий к России выступает антинемецкость самих немцев⁵. Нелюбовь к своей национальности широко распространена в Германии, в особенности в интеллектуальных кругах и в сознании молодежи. Это - реакция на пережитый опыт националистического экстремизма, на то, что в течение полутора десятилетий в Германии господствовал преступный режим, опиравшийся на идеологию расизма и практику геноцида. В концентрированной и публичной форме эта реакция проявилась в конце 60-х годов, в требовании признания вины за преступления нацизма, и в особенности за холокост⁶, в практике разрыва со старшим поколением,

⁴ Напомню в этой связи данные опроса немецкой молодежи, опубликованные журналом "Spiegel" в 1994 году (№ 38). В анкете был задан вопрос: "Превосходят ли немцы какой-либо другой народ?". Было получено 52% отрицательных ответов. 45% ответили, что "немцы превосходят некоторые народы" и 2% избрали нацистскую установку "немцы превосходят всех!". Далее следовало уточнение "Если превосходят, то кого именно?". Ответы на этот вопрос распределились следующим образом: поляков - 87%, турок - 74%, русских - 63%, французов - 20%, американцев (США) - 11%.

⁵ В упомянутом выше опросе 46% отрицательно ответили на вопрос "Гордитесь ли вы тем, что вы немец или немка?".

⁶ Холокост - практика истребления и уничтожения еврейского населения в массовом масштабе. Организация массового уничтожения евреев обосновывалась "идеей" деления человечества на расовые группы, при этом арийская раса и "немецкий дух" объявлялись высшей расой и "высшей цивилизацией", остальные же группы (прежде всего евреи, а затем славяне) рассматривались в качестве "неполноценных" или

которое не нашло в себе сил противостоять режиму Третьего Рейха. Именно в этот период возник в немецкой университетской среде интерес к России - не к Советскому Союзу, а к российской культуре, к Л. Толстому и Ф. Достоевскому, П. Чайковскому и Д. Шостаковичу, М. Булгакову и А. Платонову, т.е. ко всему, что имеет смыслообразующее значение в российской культуре.

Важная составляющая современной немецкой социальной психологии - попытка осмыслить чувство вины. Любопытно, что это чувство становится основанием для распространения гуманитарных установок, разрушающих представления, базирующиеся на расовых, национальных, этнических стереотипах. Оно проникает в повседневность в виде готовности немцев к различного рода помощи другим. Вместе с тем оно носит избирательный характер, будучи направлено, прежде всего на уровне государственной политики, на еврейское население. Быть евреем означает ныне возможность получить немецкое гражданство. В то же время чувство вины не распространяется столь же интенсивно на другие народы. Аргумент здесь один: еврейское население Европы пострадало больше всех, антисемитизм был официальной идеологией Третьего Рейха, оно было вначале поставлено на самую низшую ступень социальной лестницы. Таким образом, иммиграционная политика нынешней Германии в отношении евреев (в том числе и евреев из России) - своего рода реакция на чувство вины и компенсации за преступления, совершенные немцами военного поколения.

Три составляющие образа России

Теперь посмотрим, как образы той или иной страны (в данном случае России) конструируются в национальном сознании другой страны (в данном случае Германии). По-видимому, можно выделить три наиболее важных составляющих в происхождении

"недочеловеков" ("Untermensch" - название одного из журналов, выходивших в Германии в 40-е годы). Идея расовой борьбы стала краеугольным камнем идеологии национал-социализма, а антисемитизм - главным средством мобилизации немецкого народа и общества на поддержку политики нацизма.

Антисемитизмом была пронизана главная книга А. Гитлера "Моя борьба", написанная в 1924 году. Созданная им Национал-социалистическая рабочая партия приняла антисемитские установки в качестве своих программных целей. Евреи обвинялись во всех бедах немецкого народа: как в развязывании Первой мировой войны, так и в поражении Германии. Уже в 1920-е годы в массы был брошен лозунг "евреи - причина всех наших несчастий". После прихода к власти Гитлера антисемитизм превратился в государственную доктрину, которая стала "претворяться в жизнь". В ходе последовательно наращиваемых "операций" геноцида евреи вначале были поставлены в положение нелюдей, а затем стали уничтожаться физически. История собственно холокоста начинается 20 января 1942 года - Конференцией в Ваннзее - совещанием в уединенном особняке, расположенном на берегу озера Ваннзее. (В годы Третьего Рейха особняк служил местом отдыха высших чинов гестапо.) Там были рассмотрены практические задачи "окончательного решения еврейского вопроса", иначе говоря, был введен в действие план систематического и всеобщего уничтожения европейских евреев. В соответствии с ним уничтожению подлежало 11 миллионов человек. (Цифра формировалась на основе официальной статистики соответствующих стран, фиксировавшей количество еврейского населения.) Наибольшая доля приходилась на Советский Союз, Польшу, Венгрию, Чехословакию. На Конференции обсуждались организационные и технические вопросы осуществления этой акции (средства транспортировки, организация работы лагерей уничтожения), распределялась ответственность исполнителей. Как известно, план был выполнен более, чем наполовину. Однако следует признать, что 5 млн. жизней были сохранены благодаря победе советского оружия в Великой Отечественной войне.

В советской исторической литературе тема холокоста намеренно замалчивалась по предложению аргумента о нецелесообразности разделять жертвы фашизма по этнонациональному признаку.

Другой аргумент более позднего происхождения, который мне довелось услышать от своих коллег, состоит в том, что прежде, чем говорить и писать о холокосте, следует разобраться с причинами и ответственностью за массовое уничтожение людей Советской властью. На мой взгляд, одно не исключает другого. Вместе с тем, по мере развития глобальных процессов, все яснее становится взаимосвязь между тремя преступлениями XX столетия: холокостом, ГУЛАГом, Хиросимой и Нагасаки.

и структуре этого образа. Он формируется, во-первых, как образ государства (рассматриваемого не только в данном политическом контексте, но и в историческом разрезе), во-вторых, как совокупность образов действующих политиков и, в-третьих, как образ "народа" ("русский национальный характер" или "русский менталитет"), включающий в себя и представления о национальной специфике соответствующей культуры.

Все три составляющие образа России и русских формируются не только в Германии. Они включены в общий контекст отношений между народами в условиях глобализации и воспроизводятся международными средствами массовой информации, в состав которых входят и российские. Можно сказать, что образы России конструируются на основании определенной селекции того материала, который создается в самом российском обществе и который отбирается для использования в другой стране под определенным углом зрения.

Этот угол зрения задается пониманием национальных интересов самой Германии. В его основе - представление о ведущем (центральном) месте Германии в общеевропейском процессе. Сложилась две крайние позиции в понимании этого процесса, которые можно было бы назвать установочными рамками: "Европа может и должна строиться без России, а возможно, даже против нее" и "Современная Европа не может быть построена без участия России". Есть и промежуточная позиция, возможно, наиболее распространенная в настоящий момент - "Россия представляет собой периферию Европы".

В пользу первой концепции - "Европа без России" - используется следующая система аргументов:

- российские реформы (последнее десятилетие) показали очень низкую эффективность демократических преобразований, российские традиции оказывают на ход реформ гораздо большее влияние, нежели инновации в направлении рыночных реформ и построения демократического федеративного государства;

- вместо нормального демократического государства в России сложилось кризисное общество, которое сохраняет стремление к разрешению своих внутренних противоречий путем насилия, в стране не выработано законодательство, основанное на общенациональном консенсусе, нет привычки уважения к закону и правилам взаимоотношений, поскольку в мотивации практического поведения преобладает эмоциональный импульс;

- несмотря на распад СССР, Россия все еще претендует на роль великой державы; она не желает переосмыслить свое место в современном геополитическом пространстве и в силу этого представляет угрозу сложившемуся миропорядку, тем более обладая ядерным вооружением.

В пользу второй и третьей концепций используется также ряд аргументов:

- Россия не только географически, но и, прежде всего, в культурном отношении - часть Европы;

- нельзя по отношению к России допускать ту же ошибку, которую допустили страны-победительницы после Первой мировой войны по отношению к Германии, т.е. оставить ее в состоянии международной изоляции, которая неизбежно содействовала бы укреплению националистических сил и настроений в самой России;

- "эгоистический интерес" Германии состоит в том, чтобы развивать сотрудничество с Россией, используя для этого как государственные, так и негосударственные каналы, причем последние подчас наиболее эффективны.

Что касается образов современных российских политиков, персонифицирующих страну, то в Германии эта составляющая восприятия формируется на основе сопоставления трех политических деятелей периода реформ - М. Горбачева, Б. Ельцина, В. Путина. При этом несомненное предпочтение отдается Горбачеву как инициатору разрушения "тоталитарной системы" и, главным образом, как человеку, внесшему решающий вклад в объединение Германии. А поскольку объединение Германии рассматривается, по сути, как самое важное событие в послевоенной истории страны

(по мнению нескольких респондентов - "подлинное окончание войны"), постольку Горбачев остается в немецком национальном самосознании главным российским и наиболее уважаемым европейским политиком, и политиком международного класса⁷. Конфликт "Горбачев-Ельцин" не воспринимается в Германии как значимый политический конфликт. Образ Ельцина, скорее, идентифицируется с отрицательным образом русскости, чем с реформами. В политическом плане "друг Г. Коля" рассматривается как представитель уходящей эпохи. (В Германии достаточно отчетливо понимание того обстоятельства, что личные отношения не должны играть в политике значимую роль.)

К Путину в Германии сформировалось выжидательное и противоречивое отношение. Преимущество знания немецкого языка не перевешивает институционального происхождения российского президента. На него в какой-то мере переносится то отношение, которое сложилось к политической элите ГДР, с одной немаловажной поправкой: гуманитарную элиту бывшей ГДР можно было просто вычеркнуть из жизни, а президента России вычеркнуть из круга общения можно только вместе с самой Россией.

Третья составляющая образа страны — представления о "русском национальном характере", о "русском менталитете". Со времен Великой Отечественной войны они остаются в немецком национальном самосознании весьма устойчивыми. Для русских, согласно этому стереотипу, типичен следующий набор свойств: эмоциональная насыщенность внутренней жизни, стремление к крайностям, слабо развитый самоконтроль над поступками - ("дикость"), преобладание общих подходов к рассмотрению и решению любых проблем, недостаток рационализма, отсутствие нормативности в поведении, преклонение перед силой ("рабское сознание"), выносливость и способность к преодолению трудностей, жертвенность и готовность к страданию, растворение личности в некотором "коллективном мы", своего рода цивилизационная "детскость" (подробнее см. [Немцы... 1995]).

Память о войне

Важной составляющей немецкого национального самосознания остается память о войне с Советским Союзом. История живет в современности, великие исторические события не могут и не должны уходить из памяти народов, иначе народ может потерять историческую перспективу, утратить понимание самого себя. Вторая мировая война была самым крупным событием XX столетия, а германо-советский фронт - решающим на этой войне. Вместе с тем удел исторических событий в том, что они постоянно переосмысливаются в свете опыта современности, в свете нового знания о самой войне, о ее движущих силах.

Для немецкого национального самосознания поражение в войне с Советским Союзом остается загадкой и тайной. Оно готово признать поражение от американско-европейских союзников - как силы более цивилизованной и родственной, но поражение от России - от *"неправильного союзника"* - всячески вытесняется из памяти. Нет ничего удивительного в том, что картина войны, воспроизводящаяся в процессе социализации немецкого и российского школьника, неодинакова. Здесь в большей мере присутствует знакомство со "своим" опытом. И именно на поле интерпретации Второй мировой войны в наибольшей мере обнаруживается "национальный интерес", который в данном конкретном вопросе еще достаточно далек от общегуманитарной позиции.

⁷ Эта точка зрения не разделяется теми немцами из ГДР, которые входили в состав политической элиты или были близки к ней. Значительная их часть, разделяя тезис о неизбежности объединения Германии, полагает, что условия объединения могли бы быть не столь унижительны по отношению к правящему классу ГДР.

Судя по публикациям на тему о войне и по оценкам моих респондентов, вектор движения немецкого общественного мнения может быть обозначен следующими вехами:

- стремление ввести в дискурс концепцию "равной ответственности" Германии и Советского Союза за развязывание войны, равной "ужасности" войны и, как следствие, дегероизации воинского подвига советской стороны. Например, вводится тема сотрудничества РККА с вермахтом в 1920-е и даже в 1930-е годы, при этом "проба сил" в Испании после франкистского переворота остается вне поля зрения;

- преуменьшение вклада СССР и советской армии в разгром фашизма в пользу союзников. Сам СССР рассматривается как "неправильный союзник". Например, сталинградская битва приравнивается к сражению при Эль-Аламейне;

- выделение и подчеркивание при обращении к истории войны в Советском Союзе темы "коллорационизма" (например, А. Власов известен гораздо больше, чем Д. Карбышев);

- продолжающаяся дискуссия об оценке окончания войны; что это было - "поражение" или "освобождение"? Массовое сознание и средства массовой информации склоняются в пользу "поражения", несмотря на заявление отдельных политических деятелей Германии об "освобождении" (при этом ни 8-е, ни тем более 9-е мая не являются национальными праздниками Германии);

- интерпретация создания и истории существования ГДР как оккупации Восточной Германии Советским Союзом, приравниваемой к гитлеровскому режиму. Особенно наглядно эта интерпретация представлена на постоянной выставке в Берлине "Топография террора";

- введение в немецкое массовое сознание темы изнасилования немецких женщин советскими солдатами якобы с ведома военного и политического руководства страны в качестве одной из доминирующих тем;

- признание вины за холокост (уничтожение 6 млн евреев) при игнорировании вины перед русскими, поляками, белорусами, украинцами, т.е. перед народами, против которых также проводились акции массового уничтожения.

Думаю, совокупность указанных тенденций в интерпретации Второй мировой войны позволяет определить тематику сотрудничества немецких и российских историков. Разумеется, ценностный кризис, переживаемый российским обществом, стимулирует постановку дискуссионных вопросов истории войны, требует новых подходов к анализу Второй мировой войны в контексте всемирной истории. Так, очень важно было бы проследить, как менялись отношения между союзниками на трех этапах Великой Отечественной войны. Эти этапы можно было бы обозначить как этап первоначального поражения - с начала военных действий до битвы под Москвой и, далее, до битвы под Сталинградом; этап контрнаступления - от Сталинграда до осени 1944-го, когда территория СССР была в основном очищена от врага; этап возмездия - со времени перехода бывшей советской границы до капитуляции фашистской Германии. На третьем этапе сформировался раздел сфер влияния в Европе. В это же время оформлялась политика холодной войны, инициируемая с обеих сторон.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в Германии нет единого образа России. Есть проявления симпатии к стране и народу в целом, особенно явственно выраженные у поколения участников студенческой революции конца 1960-х годов, а из старшего поколения - у тех, кто прошел через русский плен после Великой Отечественной войны. Есть и антипатии, связанные с националистическими предрассудками, с позициями эмигрантов из СССР и России. Что касается официальной Германии, ее политического класса и общей направленности средств массовой информации, то при всей противоречивости позиций выявляется некоторая общая тенденция, которую можно было бы выразить словами одного из экспертов: «Россия рассматривается в Германии, в особенности в немецких средствах массовой информации, не столько в качестве партнера, сколько в качестве "потенциального противника"».

Именно под этим углом зрения преподносится любая информация из России и о России.

Очевидно, что коррекция российского имиджа в Германии необходима. Взаимные оценки должны способствовать не отчуждению народов, отношения которых в истории XX столетия были достаточно сложными, а интенсификации диалога по многим направлениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Немцы о русских. М, 1995.

Himmelstrand U. Three faces in Russian Sociology: Surviving Intellectually as Sociologists in a Totalitarian Society // *International Review of Sociology.* 2000. Vol. 10, № 2. P. 283.

© А. Здравомыслов. 2001